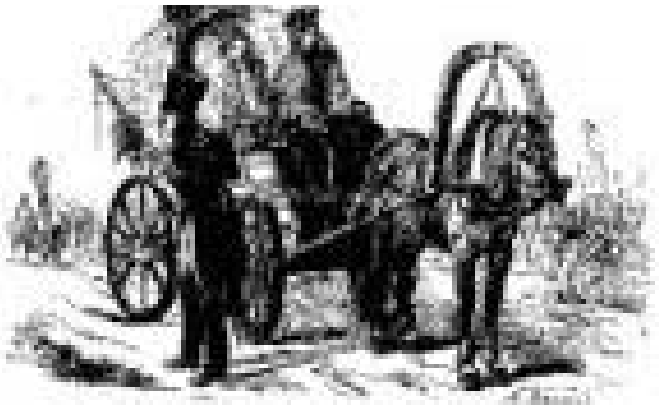
КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

АРХИСТРАТИГЪ

«— Когда наши войска воротились домой изъ–подъ Франціи, то охочимъ сказанъ былъ отпускъ, на цѣлый годъ. Годовъ съ восемь изъ дому мнѣ вѣстей не было никакихъ: не то перемерли всѣ — царство имъ небесное — не то живы; а пора была такая, что тутъ было не до писемъ. — А что, сказалъ я землякамъ: — пойду и я; денегъ, благодаря Бога, у меня много, потому что жалованье шло заграничное: хоть повидаться, поотдохнуть да поразсказать, каковъ на свѣтѣ Парижъ городъ живетъ.

И пошелъ. Съ мѣста наняли мы подводу, — а насъ было человѣкъ десять попутчиковъ; прошли верстъ двѣсти, тутъ отдѣлились отъ насъ трое, а подъ конецъ, на границѣ своей губерніи, Курской, осталось насъ только двое земляковъ. Опять–таки мы наняли было подводу, да въ



Фатежѣ товарищъ захворалъ, остался въ больницѣ, а мнѣ выжидать его не приходилось, и я пошелъ дальше. Одному подводу нанимать не по карману. Не привыкать стать нашему брату журавлемъ шагать, да и не далече. Я вскинулъ котомку за плеча, взялъ посохъ въ руки, да и пошелъ одинъ путемъ дорогой. Мѣста не то чтобы знакомыя, а все ужь не такъ далеко: верстъ сто и всего–то отъ дому, — такъ и итти какъ–то стало веселѣе.

Настигли меня сумерки на большой дорогѣ, за поворотомъ съ Фатежской на Курскую; а пора была осенняя, глухая, темная: пришлось искать, гдѣ бы преклонить на ночь усталую головушку. Тутъ по дорогѣ было много постоялыхъ дворовъ, и хотя нашему брату служивому эти постоялые дворы не больно сподручны, а выгоднѣе и спокойнѣе заходить въ деревню къ простымъ мужичкамъ, да ужь тутъ дѣлать было нечего, выбирать нѣкогда. Я остановился да сталъ осматриваться въ которыя бы ворота постучаться; а встрѣчу мнѣ идетъ какой–то,

видно, зазывать вышелъ, да и говоритъ: «Что, землякъ, не ночевать ли?... Просимъ милости, на хлѣбъ на соль.» Я, отозвавшись да отблагодаривъ, подошелъ, а онъ, разглядѣвъ, что передъ нимъ служивый, и отворотилъ было отъ меня рыло–то: «дескать, съ вашего брата взятки гладки и за безпокойство поживы не будетъ!»

— Ну, зазвалъ, сказалъ я: — такъ ужь не откидывайся, землякъ: вѣдь я домой пришелъ, это моя губернія; а что проѣлъ, заплачу. Не бойся, на это станетъ: вѣдь я изъ заграничной арміи.

Услышавъ это, онъ опять подался: сталъ поласковѣе; а извѣстное дѣло, что въ тѣ поры всѣ наши изъ–за границы приходили съ деньжонками.

— Ну, говоритъ, съ Богомъ, поди. Вонъ это дворъ мой. Скажи хозяйкѣ, что я прислалъ; а мнѣ надо еще тутъ побыть: не будетъ ли обоза; никакъ подъ горой кто–то покрикиваетъ.

Вошелъ я въ избу, помолился, поздоровался — гляжу, хозяйка не старая, видная, здоровая.

— Коли хозяинъ прислалъ, говоритъ, такъ съ Богомъ, распоясывайся.

Распоясываться нашему брату служивому нечего: разстегнулъ шинель походную, да и вся недолга! Поразговорилась хозяйка и ласкова стала: то пожалѣетъ за нужду военную, то пошутитъ, да приголубитъ, про походы распрашиваетъ и какую кто поживу принесъ отъ француза.

— А кому какое счастье послужило, говорю я. — Извѣстно, что съ бою взято, то и свято. Ну, и жалованье царское шло намъ серебромъ да золотомъ.

— Стало быть, и всѣ вы богаты воротились?

— Иной, говорю, порастрясъ все тамъ, то за французскими пунштиками, то съ нѣмцами бирки потрынкалъ, кто во что гораздъ, благо своя воля.

— Да ужь отъ вашего брата, говоритъ, что путнаго ждать! что жь, и ты такимъ же гоголемъ домой пришелъ?

— Ну, говорю, кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ, однако, я былъ не изъ первыхъ гулякъ: не то, чтобы все прокутилъ, а помнилъ и своихъ. Вотъ теперь и пришелъ домой, да коли дастъ Богъ застану кого въ живыхъ, а, надо быть, двѣ сестры мои ужь подросли, такъ я ихъ и уважу, по червончику, другому имъ на приданое принесу.

Пришелъ хозяинъ, а хозяйка подала щей. Какъ поглядѣлъ я на него при огнѣ, что–то больно не понутру онъ мнѣ показался. Сказано слово: «съ чернымъ въ лѣсъ не ходи, съ рыжимъ ночи не спи»; а ужь коли нашъ братъ курскій рыжій, такъ держи ухо остро! «Ну, думаю, Господь съ нимъ; мнѣ только бы переночевать да спозаранку убраться.»

Поужиналъ я, помолился, разулся и легъ на лавкѣ; а ночевалъ я у нихъ одинъ: видно, извощиковъ хозяинъ не успѣлъ зазвать. Засыпая, я только подумалъ,

какъ–то завтра разсчитаюсь съ рыжимъ. Ну, да не пять же рублей онъ за свои щи слупитъ съ нашего брата! извѣстно, полтиной мѣди чистъ будешь, а больше не возьметъ.

Уморившись съ переходу, какъ я свалился, когда огонь погасили, такъ и уснулъ; только еще прочиталъ до половины молитву своему ангелу, Архистратигу. Вдругъ просыпаюсь ночью, таки–вотъ словно кто меня студеной водой окатилъ, и сразу вскочилъ на ноги; гляжу, хозяйка вздула огонь, да взяла въ руки топоръ, а хозяинъ съ ножемъ, да оба прямо идутъ на меня. Пропалъ я, стало быть: вотъ въ какую берлогу меня Господь принесъ; а при мнѣ нѣтъ ни даже щепочки, чѣмъ бы отбиться! И самъ не знаю, какъ и съ чего это во мнѣ вдругъ взялось, будто кто за меня вымолвилъ, — только я, взмолившись хозяину, говорю: «Что ты дѣлаешь! вѣдь я не одинъ здѣсь, вѣдь насъ тутъ цѣлая рота, меня спохватятся!»

Хозяинъ мой, какъ будто немного опѣшалъ, однако, подошелъ вплоть:

— Поздно теперь, говоритъ, сказки сказывать!... Какая рота? Молись, да и аминь тебѣ!

— Чего ты его слушаешь? закричала хозяйка и сама кинулась на меня съ топоромъ.

Я только успѣлъ призвать на помощь ангела своего, святаго Архистратига, какъ кто–то шибко застучалъ въ ставень.... молчокъ; а съ улицы голосъ подалъ кто–то да еще шибче забарабанилъ.

— Кто тамъ? закричалъ хозяинъ, поднявъ надо мною ножъ, чтобъ я не посмѣлъ крикнуть, между тѣмъ, какъ проклятая баба опустила обухъ и прислушивалась.

— Кто! развѣ не слышишь?... Не узналъ голоса фельдфебеля? Аль заспался?

— Михайло Ларіоновъ, ты, что ли?

Я ни живъ, ни мертвъ, отозвался.

— Собирайся живѣе, продолжалъ фельдфебель: — рота выступаетъ. Чего зѣваешь? Да живо! Не то я подыму!

Рыжій съ хозяйкой задрожали, ровно листъ на осинѣ, да оба разомъ пали мнѣ въ

ноги, говоря: «Не погуби, ради Спаса святаго, не погуби!...

Я схватилъ котомку, сапоги, шапку и выскочилъ изъ избы, самъ не помня, какъ. Не могу понять по нынѣшній день, какъ я отперъ впотьмахъ сѣнныя двери, какъ растворилъ ворота либо перескочилъ черезъ заборъ, ничего не знаю. Выбѣжалъ на улицу — все темно, ни зги не видать и никого нѣтъ. Я взмолился еще разъ своему архангелу и пошелъ прямо, безъ оглядки, куда глаза глядятъ. Вышелъ на дорогу — отколѣ ни взялась тройка курьерская, скачетъ во весь духъ да прямо на меня; я едва только успѣлъ отскочить да съ перепугу закричалъ что есть силы.

— Стой, стой! закричалъ и курьеръ, военный офицеръ: — стой! Никакъ мы кого–то задавили....

— Да, чуть было не задавили, ваше благородіе! отозвался я.

— А ты кто таковъ?

— Служивый, ваше благородіе: иду въ домовой отпускъ: ночь настигла, ваше

благородіе: сдѣлайте отеческую милость, подвезите….

— Садись, сказалъ добрый офицеръ.

Сѣли и понеслись. Покуда разсвѣло, такъ ужь мы были верстъ двадцать за Курскомъ. Тутъ я поблагодарилъ офицера и пошелъ своимъ путемъ, въ сторону.»

— Да кто жь тебя спасъ отъ ножа и обуха? спросили слушатели Михайла Ларіонова: — кто же постучался въ ставень и сказался фельдфебелемъ?

— А вы и не догадались?… Эхъ, вы, маловѣрные! Вотъ то–то и есть! Кто на войнѣ не бывалъ, тотъ досыта Богу не маливался! А кому же я взмолился? А кто за меня стоялъ, держалъ подъ своимъ покровомъ, въ сорока сраженіяхъ, отъ вступленія француза въ матушку–Россію, до самаго занятія Парижа?

В.ДАЛЬ